

Религиоведение. 2021. № 4. С. 144–151.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 4. P. 144–151.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.4.144-151

Попов Д.С.

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Evseyiy-Dan@yandex.ru*

Религиозная философия Л.Н. Толстого и стоическая традиция

Аннотация. Статья посвящена анализу места и роли стоических идей в религиозно-философском наследии Л.Н. Толстого. Проблема рассматривается в контексте вопроса о разрыве в творчестве Л.Н. Толстого в конце 1870-х. Делается предположение, что, несмотря на знакомство Толстого-писателя с текстами и идеями стоиков до этого времени и возможное наличие стоических аллюзий в «Войне и мире», сами по себе они не имели для него большого значения. Вероятно, оно открылось мыслителю в свете учения Христа. Применяя методы текстологического анализа, автор показывает, что после обращения к вере Л.Н. Толстой использовал некоторые аспекты стоического религиозного нарратива (мотивы родства божественного и человеческого разума и единства мироздания) как опору для собственных пантеистических (панэнтеистических) представлений, в которых укоренены как его этические, так и социальные воззрения.

Ключевые слова: Толстой, Война и мир, пантеизм, панэнтеизм, религиозная философия, стоики, стоицизм, стоический нарратив

Danil S. Popov

*St. Petersburg State University
5 Mendeleevskaya linya, St. Petersburg, 199034 Russia
Evseyiy-Dan@yandex.ru*

Leo Tolstoy's Religious Philosophy and the Stoic Tradition

Abstract. The article investigates a contribution of the Stoic ideas to Leo Tolstoy's religious philosophy. The problem is considered in the context of the alleged “break” in the creative development of Leo Tolstoy in the late 1870s. Although Tolstoy had been familiar with the texts and ideas of the Stoics before this time and, probably, made some allusions to the Stoics in “War and Peace”, it is possible to say that in that time the Stoic ideas as such were not of significance for him. The thinker might have realized the deeper meaning of the Stoic tradition against the background of the teachings of Christ. Applying the methods of textual analysis, the author shows that after the conversion Tolstoy sought to use some aspects of the Stoic religious narrative (men's mind as a part of the divine one, the unity of the universe) as a support for his own pantheistic (panentheistic) views, in which both his ethical and social values were rooted.

Key words: Tolstoy, War and Peace, pantheism, panentheism, religious philosophy, Stoics, stoicism, Stoic narrative

В отношении рецепции в России столь популярных ныне стоических идей Л.Н. Толстой – особая фигура. Совершенно справедливо, что настолько деятельного их распространителя в нашей стране не были ни до, ни после него [Салимгареев, 2004, 108]. Об этом свидетельствует неизменное внимание исследователей к теме «Толстой и стоики». Этот вопрос рассматривался литературоведами и историками нравственной философии в России [Скафтымов, 1972; Галаган, 1981, 32–33; Гаврилов, 1993, 150–159; Салимгареев, 2004, 90–109; Николаева, 2007].

О том, что Л.Н. Толстой не только моралист, но и мыслитель, идеи которого с конца 1870-х получили религиозный характер, а главным принципом его учения

стала возможность слияния человека и бога, писали многие исследователи как прошлого, так и нынешнего века [см., например: Зеньковский, 2000; Густафсон, 2003, 24; Евлампиев, 2018, 90]. Значение его религиозно-философских взглядов и для русской [Л.Н. Толстой: pro et contra, 2000], и для зарубежной мысли [Valliere, 2020, 660] было огромно. Однако место и роль стоических идей в контексте религиозно-философских взглядов Л.Н. Толстого до сих пор не анализировалось достаточно чётко¹.

Исходя из этого, мы ставим целью статьи реконструировать место и роль идей стоиков в религиозной философии Л.Н. Толстого.

В этой работе мы опираемся на методы сравнительного и контекстуального анализа, а также на текстологический метод, выявляя прямые отсылки к стоикам в текстах Л.Н. Толстого. Мы также полагаем, что мыслитель в обращении к стоической традиции был заинтересован не столько самой доктриной древних стоиков, сколько тем образом стоических идей, который мог быть легко интегрирован в более поздние философские учения, то есть тем, что мы называем «стоическим нарративом» [Попов, 2020].

Проблема рецепции стоических идей Толстым-писателем

Историография изучения творчества Л.Н. Толстого имеет полуторавековую историю, особое место в ней занимает изучение философской позиции Толстого в разные периоды его жизни, а также выявление идейных источников его философских исканий. Некоторые современные исследователи Л.Н. Толстого указывают, что его интерес к стоикам возник в период кризиса конца 1870-х – начала 1880-х и обретения веры [Галаган, 1981, 32; Салимгареев, 2004, 91]. Именно в тот период проблема отношений стоической философии и христианства достаточно широко обсуждалась в российской печати [Шахнович, Тыжов, Попов, 2019].

Иного взгляда придерживается Н.А. Николаева, которая пишет, что Л.Н. Толстой ещё в молодости был как прямо, так и опосредованно знаком с текстами и идеями стоиков. По её мнению, эти идеи занимали особое место в творческом сознании писателя, что нашло выражение, например, в романе «Война и мир». По мысли Н.А. Николаевой, знакомство Л.Н. Толстого со стоическим понятием пневмы – божественного творческого начала, «благодаря которому происходит взаимосвязь, взаимодействие, сочувствие (симпатия) всех частей космоса» [Николаева, 2007, 19] – проявилось в ключевых местах романа: в символическом сне графа Пьера Безухова [Николаева, 2007, 20–21], в его разговоре с князем Андреем Болконским на пароме [Николаева, 2007, 21], в фигуре Платона Каратаева [Николаева, 2007, 21–24]. Описание кончины князя Андрея, для которого «смерть предстаёт как возвращение “к общему и вечному источнику”», по мысли Н.А. Николаевой, также имеет точки соприкосновения² с идеями стоиков [Николаева, 2007, 31]. Она указывает, что «Война и мир» содержит отсылки и к этике стоиков.

Действительно, описание мыслей и чувств графа Пьера Безухова во французском плену сходно с образом внутренней свободы человека, который даётся в «Беседах» [Эпиктет, 1997, 41–42]. Также есть основания полагать, что образ главнокомандующего М.И. Кутузова в романе соотносится с идеалом стоического мудреца [Столяров, 1995, 373]. Таким образом, филологический анализ текста романа, блестяще проведённый Н.А. Николаевой с опорой на толстовские пометки в изданиях стоиков, хранящихся в библиотеке Ясной Поляны, может наводить на мысль о некоей континуальности в восприятии и оценке Л.Н. Толстым стоических идей, отсылающих к единству бога, мира и людей. Идеи эти в таком случае могли бы трактоваться как сильные ориентиры для него и как для писателя, и как для религиозного философа [Николаева, 2007, 48, 57–58].

Это суждение выводит нас на проблему дихотомии в периодизации творчества Л.Н. Толстого, рубежом которой служит его обращение к вере³.

«Принято говорить, – замечает И. Паперно, – о двух Толстых – Толстом-художнике и Толстом-моралисте» [Паперно, 2018, 15]. И действительно, авторитетные специалисты прошлого и настоящего не обходили вниманием этот вопрос. Одни исследователи полагали, что такая дихотомия ошибочна, поскольку Л.Н. Толстой на протяжении жизни неоднократно менял свои взгляды [Эйхенбаум, 2009, 711], другие не видели её, поскольку считали творческий путь Толстого цельным [Густафсон, 2003, 10]. Некоторые выделяли стержневые темы, в целом характерные для Л.Н. Тол-

стого и могущие в разные периоды приобретать разное звучание [Галаган, 1981, 3; Emerson, 2020, 188]. Есть и сторонники идеи о особом значении кризиса конца 1870-х [Hamburg, 2010, 142; Орвин, 2007, 17, 243].

Не ставя себе целью разрешить этот вопрос, укажем, что если мы обратимся к «Исповеди» – первому законченному произведению, написанному Л.Н. Толстым после кризиса – то увидим, что стоики, в отличие от Будды, Екклесиаста (царя Соломона), Сократа⁴, А. Шопенгауэра и ряда других мыслителей, там не упоминаются. Описывая искания, приведшие его к отчаянию, осознанию пустоты и бессмысленности жизни, Л.Н. Толстой замечал, что искал объяснения на свои вопросы «во всех тех знаниях, которые приобрели люди <...> искал, как ищет погибающий человек спасенья, – и ничего не нашёл» [Толстой, 1957б, 16].

Более того, среди возможных выходов из этого положения, которые Л.Н. Толстой находил у людей своего круга, «стоический» выход (в противоположность выходу эпикурейства⁵) не представлен.

Если верно, что в то время «основной вопрос, определивший всё дальнейшее мистическое развитие Толстого, был таков: есть ли в человеке связь с бесконечным?»⁶ [Зеньковский, 2000, 505] и что столь значимые для автора «Войны и мира» мотивы гармоничной связи человека с мирозданием восходят к стоическим идеям, то отсылка к стоикам *должна была бы* появиться в «Исповеди». Коль скоро это не так, можно предположить, что сами по себе идеи стоиков не оказали на Толстого-писателя того духовного влияния, которое позволило бы ему преодолеть за их счёт этот духовный кризис. Возможно, на том этапе своей жизни Л.Н. Толстой рассматривал стоические мотивы лишь как эффективный образный инструмент, как средство художественного выражения. Чтобы открыть их подлинный смысл, ему необходимо было увидеть стоические идеи в свете учения Христа [Толстой, 1934, 427–428].

В данном контексте становится ясным горячее одобрение Л.Н. Толстым и В.Г. Чертковым чеховской «Палаты № 6», содержащей резкую критику стоиков. Хотя А.Ф. Скафтымов полагал, что объектом критики в рассказе служат не стоические, но шопенгауэровские идеи [Скафтымов, 1972, 387], более очевидной видится интерпретация, согласно которой критика А.П. Чехова была воспринята сторонниками Л.Н. Толстого «как указание на <...> неадекватное восприятие стоических мотивов в духе квиетизма» [Гаврилов, 1993, 161].

Религиозный аспект стоического нарратива в рецепции Л.Н. Толстого

Идея единства божества и человека была чрезвычайно важна для Л.Н. Толстого. Возможность слияния человека с богом – главный принцип его учения [Евлампович, 2018, 90]. Неудивительно поэтому «обвинения» мыслителя в пантеизме [Зеньковский, 2000, 513–514]. Между тем, сам он не одобрял пантеизма в смысле идеи божества, живущего во всём и как будто «расплывающегося» в своей неопределённости. Бог, по его мнению, должен быть не только всем, но и «единым» – живым существом, на которое можно опираться [Толстой, 1953, 118–119]. Некоторые полагают, что эту позицию можно назвать панантеистической: «Его Бог – во всём, и всё – в Боге, но Бог не есть всё и всё не есть Бог» [Густафсон, 2003, 111].

Мог ли Л.Н. Толстой найти стоическое повествование о боге до некоторой степени подходящим для данного аспекта своего учения? Мы полагаем, что да.

Считается, что ортодоксальное стоическое учение хотя и обнаруживало некоторые признаки дуализма [Algra, 2003, 167], было монистичным [Long, 1996, 45–46] и пантеистичным [Столярков, 1995, 112], несколько напоминающим идею Спинозы «*deus sive natura*». Вместе с тем в суждениях стоиков иногда подразумевалось его концептуальное отличие от «*deus sive natura*» [Long, 2003, 371]. Ситуация «усугублялась» тем, что стоическая теология на первый взгляд также имела черты теизма и политеизма [Algra, 2003, 165]. Так, среди рассуждений поздних стоиков о божестве встречаются не только «растворяющие» его в мире, но и такие, которые приписывают ему личностное отношение к отдельному человеку [Эпиктет, 1997, 78]. Эта многогранность отразилась в истории рецепций идей стоиков, где их религиозный нарратив находил место в самых разных учениях [Попов, 2020, 83].

То, как трактовал его Л.Н. Толстой, можно увидеть в важнейшем для него трактате «В чём моя вера?». Отсылка к стоикам появляется там в одном из ключе-

вых мест, где объясняется учение Христа о «сыне человеческом», составляющее основу всех Евангелий [Толстой, 1957а, 380]. Говоря о божественном свете разумности в каждом человеке, мыслитель писал: «Это говорили и учителя браминов, и пророки еврейские, и Конфуций, и Сократ, и Марк Аврелий, и Эпиктет, и все истинные мудрецы⁷, не составители философских теорий, а те люди, которые искали истины для блага своего и всех людей» [Толстой, 1957а, 381]. Там же даются примечания, содержащие мысли римских стоиков о подобии мирового и человеческого разума, о божественных семенах во всех живых существах, через которые они входят в общение с богом [Толстой, 1957а, 381].

То, что «пантеистическая метафизика» Л.Н. Толстого, ярко выраженная в том числе и в трактате «Христианское учение», напоминает идеи стоиков [Зеньковский, 2000, 516] – не случайность. Именно они подчёркивали причастность мира и человека божеству в самых смелых выражениях. Божественный разум, согласно суждениям стоиков, имеет *точно такие же* способности, как и разум человека. Этот тезис подразумевает, что в теории человек может быть равен божеству по мудрости и совершенству [Long, 2003, 378].

Показательно, что и «Круг чтения» – один из главных трудов мыслителя – содержит множество отсылок к стоикам⁸, где говорится о единстве человека с Богом, единстве мира и живущих в нем существ [Толстой, 1957в, 17, 105, 159, 181–182, 230, 379; Толстой, 1957г, 15, 55, 78, 129–130, 135, 154, 181]. Кроме того, большое количество прочих (на первый взгляд чисто моралистических) наставлений стоиков подаётся там в контексте их рассуждений о боге и его промысле и воле, о душе.

В некотором смысле из положений об общности всех людей посредством разумности и об её возвышенной природе для Л.Н. Толстого вытекали и идеи подчинения эмпирической личности «разумному сознанию» и необходимость братского отношения ко всем людям. Нарратив стоиков вполне мог быть прочитан им в этом духе⁹. «Стоический Бог, – замечает Э. Лонг, – дал нам все необходимое, чтобы мы жили хорошо, как граждане мира, которые могут открыть в космическом порядке образец рациональности, который мы можем сделать своим собственным, культивируя добродетели» [Long, 2003, 378].

Пример тому можно увидеть в упоминании Л.Н. Толстым стоиков в связи с проблемой разрешения основного противоречия человеческого существования в трактате «О жизни». Оно состоит в том, что стремление личности к своему благу не только оборачивается тщетным и обречённым на неудачу, но и связано с жестокой борьбой с другими личностями, также преследующими собственные интересы.

Л.Н. Толстой, указывая на возможность жизни, которая имеет разумный смысл и посвящена неуничтожимому смертью и страданиями благу, ссылаясь, в том числе, и на стоиков [Толстой, 1936б, 328], учение которых оказывается частным выражением стратегии великих учителей человечества, направленной на подчинение животной личности закону разума¹⁰. С последним связана идея преследования не собственного блага, а деятельной любви ко всем людям, взаимного служения друг другу, сострадания [Толстой, 1936б, 368–371].

Эти мотивы могли привести к смешению им стоических и христианских идей [Гаврилов, 1993, 154]. Исследователи вообще отмечали вольное обращение мыслителя с классическими источниками [Салимгареев, 2004, 102]. Сам он охотно признавал, что те или иные идеи (например, Эпиктета) даются им в наиболее «полезном» виде [Толстой, 1957г, 472–473]. Так, в трактате «Путь жизни» толстовский Эпиктет называет «истинной собственностью» и высшим благом человека способность любить [Толстой, 1956а, 84], в то время как для самого стоика это не так [Эпиктет, 1997, 205]. Впрочем, очевидно, Л.Н. Толстой понимал, что это преувеличение [Толстой, 1935, 218]. В редакции более близкой к греческому оригиналу и переводу В.Г. Черткова этот фрагмент даётся в «Круге чтения» [Толстой, 1957, 310].

В заключение мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на вероятность использования писателем стоических аллюзий в прозе (до конца 1870-х), есть основания полагать, что Л.Н. Толстой по преимуществу обратился к стоикам, лишь уверовав в учение Христа.

Во-вторых, анализ прямых упоминаний стоиков в текстах мыслителя показывает, что он, понимая «стоицизм» как религию, делал особый акцент на использовании идей стоиков в обосновании идей единства бога с человеком и миром, а также единства всех людей.

В-третьих, то, что интересовало Л.Н. Толстого – не стоическое учение само по себе. Такие атрибуты стоического божества, как телесность, пространственная конечность, иногда намеренно подчёркиваемая его тождественность миру и вытекающий отсюда детерминизм вряд ли могли вызвать его сочувствие. Не стремясь к историко-философской точности, Л.Н. Толстой использовал некоторые аспекты стоического нарратива с целью поддержать собственное религиозно-философское видение и воспитать своего читателя.

Библиографический список

1. Гаврилов, А.К. Марк Аврелий в России / А.К. Гаврилов // Марк Аврелий Антонин. Размышления. – СПб., Наука, 1993. – С. 115–173.
2. Галаган, Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания / Г.Я. Галаган. – Л.: Наука, 1981. – 173 с.
3. Густафсон, Р. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Л. Толстого / Р. Густафсон: Пер. с англ. – СПб.: Академический проект, 2003. – 480 с.
4. Евлампиев, И.И. Лев Толстой и поиски истинного христианства в русской философии / И.И. Евлампиев // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 90–107.
5. Зеньковский, В.В. Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого / В.В. Зеньковский // Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 500–527.
6. Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 975 с.
7. Николаева, Н.А. Л.Н. Толстой и нравственная философия стоиков: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Н.А. Николаева; ИРЛИ РАН. – СПб., 2007. – 189 с.
8. Орвин, Д. Искусство и мысль Толстого 1847–1880 / Д. Орвин: Пер. с англ. – СПб.: Академический проект, 2006. – 304 с.
9. Паперно, И. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / И. Паперно: Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 232 с.
10. Попов, Д.С. Стоический нарратив: к вопросу о стратегиях изучения стоического наследия в западной философской мысли / Д.С. Попов // Манускрипт. – 2020. – № 9. – С. 80–87.
11. Салимгареев, М.В. Стоя и стоическое наследие в России (середина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.09 / М.В. Салимгареев; КГУ. – Казань, 2004. – 230 с.
12. Скафтымов, А.П. О повестях Чехова «Палата №6» и «Моя жизнь» / А.П. Скафтымов // Нравственные искания русских писателей. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 381–403.
13. Столяров, А.А. Стоя и стоицизм / А.А. Столяров. – М.: АО Ками–груп, 1995. – 448 с.
14. Толстой, Л.Н. В чем моя вера? / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 23: Произведения. – С. 304–465.
15. Толстой, Л.Н. Дневник. 16 ноября 1896 / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 53: Дневники и записные книжки. – С. 118–119.
16. Толстой, Л.Н. Исповедь. (Вступление к ненапечатанному сочинению) / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 23: Произведения. – С. 1–59.
17. Толстой, Л.Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904–1908. Т. 1 / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 41: Произведения. – 610 с.
18. Толстой, Л.Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904–1908. Т. 2 / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 42: Произведения. – С. 9–393.
19. Толстой, Л.Н. О верах / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1936. – Т. 26: Произведения. – С. 572–577.
20. Толстой, Л.Н. О жизни / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1936. – Т. 26: Произведения. – С. 313–442.
21. Толстой, Л.Н. Письмо. 14–15 декабря 1886 г. / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М., Л.: ГИХЛ, 1934. – Т. 63: Письма. – С. 427–428.

22. Толстой, Л.Н. Письмо. 18 декабря 1903 г. / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 74: Письма. – С. 261–262.
23. Толстой, Л.Н. Письмо. 4–5 июня 1885 г. / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1935. – Т. 85: Письма. – С. 217–218.
24. Толстой, Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 45: Произведения. – С. 13–496.
25. Толстой, Л.Н. Религия и нравственность / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 39: Произведения. – С. 3–26.
26. Шахнович, М.М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры / М.М. Шахнович. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 284 с.
27. Шахнович, М.М. Дискуссия о стоицизме в русской мысли второй половины XIX – начала XX вв. и история изучения христианства / М.М. Шахнович, А.Я. Тыжов, Д.С. Попов // Былые годы. – 2019. – № 3. – С. 1125–1133.
28. Шестов, Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л. Шестов // Сочинения. – Томск: Водолей, 1996. – Т. 1. – С. 317–464.
29. Эйхенбаум, Б.М. О противоречиях Льва Толстого / М.Б. Эйхенбаум // Лев Толстой: исследование. Статьи. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 711–733.
30. Эпиктет. Беседы / Эпиктет: Пер. с древнегр. – М.: Ладомир, 1997. – 312 с.
31. Algra, K. Stoic Theology / K. Algra // The Cambridge Companion to the Stoics / Ed. B. Inwood. – Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003. – P. 153–178.
32. Emerson, C. Tolstoy / C. Emerson // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought / Ed. C. Emerson, G. Pattison, R. Poole. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 184–204.
33. Hamburg, G.M. Tolstoy's spirituality / G.M. Hamburg // Anniversary Essays on Tolstoy / Ed. D. Orwin. – NY: Cambridge University Press, 2010. – P. 138–158.
34. Long, A. Stoic Studies / A. Long. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1996. 309 p.
35. Long, A. Stoicism in the Philosophical Tradition: Spinoza, Lipsius, Butler / A. Long // The Cambridge Companion to the Stoics / Ed. B. Inwood. – Cambridge University Press, 2003. – P. 365–392.
36. McLaughlin, S. Some Aspects of Tolstoy's Intellectual Development: Tolstoy and Schopenhauer / S. McLaughlin // California Slavic Studies. Vol. 5. / Ed. N. Riasanovsky, G. Struve. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1970. – P. 187–245.
37. Valliere, P. The Influence of Russian Religious Thought on Western Theology in the Twentieth Century / P. Valliere // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought / Ed. C. Emerson, G. Pattison, R. Poole. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 660–676.

Текст поступил в редакцию 04.05.2021.

Принят к публикации 30.08.2021.

Опубликован 23.12.2021.

¹ Хотя Н.А. Николаева и исследует влияние стоиков на представления Л.Н. Толстого о Боге-Разуме и единстве мироздания, думается, что она делает акцент на его нравственной стороне.

² Считается, что в этом и ряде других эпизодов выражается влияние идей А. Шопенгауэра [Шестов, 1996, 361–362; McLaughlin, 1970, 198–199].

³ Мы не рассматриваем здесь проблему антиномичности внутри творческого сознания Л.Н. Толстого [Орвин, 2007, 8–9], выражаемую, например, с помощью метафор «Ёж», «Лисица» (И. Берлин), «Обитатель», «Чужак» (Р. Густафсон).

⁴ Любопытны более поздние упоминания мыслителя, что Сократ – стоик [Толстой, 1936а, 576].

⁵ Вероятно, в виду имеется вульгаризированный эпикуреизм [Шахнович, 2002, 115], а не доктрина Эпикура.

⁶ В стоической доктрине бог не только материален, но и пространственно конечен [Long, 2003, 373].

⁷ Стоики часто упоминаются Л.Н. Толстым в ряду прочих «истинных мудрецов человечества», главный из которых – Христос.

⁸ Извлечения из «Размышлений» Марка Аврелия в «Круге чтения» даются в «вызывающе нефилософичном» [Гаврилов, 1993, 152] переводе князя Л.Д. Урусова [Николаева, 2007, 49]. Составляя «Круг чтения» и «Путь жизни» мыслитель также использовал перевод (а точнее, переложение) эпиктетовых «Бесед» В.Г. Чертковым [Николаева, 2007, 127–128].

⁹ Л.Н. Толстой в статье «Религия и нравственность» относил стоическое нравственное учение к отказывающимся от личного и общественного блага для исполнения воли бога [Толстой, 1956б, 17]. С другой стороны, он же писал, что отличие «стоицизма» от христианства в том, будто бы он, признавая духовность человека, видит в этом спасение личности. Христианство же делает дальнейший вывод: признавая в себе «сына Божия», люди должны строить царство Божие на земле [Толстой, 1954, 261].

¹⁰ Н.А. Николаева полагает, что ключевое для трактата «О жизни» понятие «разумное сознание», возможно, взято мыслителем из текста Марка Аврелия [Николаева, 2007, 78–79].

References

1. Gavrilov A.K. *Mark Avrelij Antonin. Razmyshleniya* [Marcus Aurelius Antoninus. Meditation]. St. Petersburg: Nauka, 1993, pp. 115–173 (in Russian).
2. Galagan G.Y. *L.N. Tolstoj. Hudozhestvenno–eticheskie iskaniya* [L. Tolstoy. Artistic and Ethical Quests]. Leningrad: Nauka, 1981, 173 p. (in Russian).
3. Gustafson R. *Leo Tolstoy. Resident and Stranger. A Study in Fiction and Theology*. Princeton University Press, 1986. 487 p. (Russ. ed.: Gustafson R. *Obitatel' i Chuzhak. Teologiya i hudozhestvennoe tvorchestvo L. Tolstogo*. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003, 480 p).
4. Evlampiev I.I. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 2018, no. 4, pp. 90–107 (in Russian).
5. Zen'kovskij V.V. *L.N. Tolstoj: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej* [L. Tolstoy: pro et contra. The Personality and Heritage of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. St. Petersburg: RHGI Publ., 2000, pp. 500–527 (in Russian).
6. *L.N. Tolstoj: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej* [L. Tolstoy: pro et contra. The Personality and Heritage of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. St. Petersburg: RHGI Publ., 2000, 975 p. (in Russian).
7. Nikolaeva N.A. *L.N. Tolstoj i npravstvennaya filosofiya stoikov. Diss. kand. filolog. nauk* [L. Tolstoy and the Moral Philosophy of the Stoics. Ph.D. Thesis in Literary Studies]. St. Petersburg: IRLI RAN, 2007, 189 p. (in Russian).
8. Orvin D.T. *Tolstoy's Art and Thought 1847–1880*. Princeton University Press, 1993. 279 p. (Russ. ed.: Orvin D. *Iskusstvo i mysl' Tolstogo 1847–1880*. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2006, 304 p.).
9. Paperno I. “Who, What am I?”: *Tolstoy Struggles to Narrate the Self*. Ithaca: Cornell University Press, 2014, 229 p. (Russ. ed.: Paperno I. “Kto, chto ya?”: *Tolstoj v svoih dnevnikah, pis'mah, vospominaniyah, traktatah*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 232 p.).
10. Popov D.S. *Manuskript* [Manuscript]. 2020, no. 9, pp. 80–87 (in Russian).
11. Salimgareev M.V. *Stoya i stoicheskoe nasledie v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.). Diss. kand. istorich. nauk* [Stoa and the Stoic Heritage in Russia (mid. XIX – early XX Century). Ph.D. Thesis in History]. Kazan': KSU, 2004, 230 p. (in Russian).
12. Skaftymov A.P. *Npravstvennye iskaniya russkikh pisatelej* [Moral Quests of Russian writers]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1972, pp. 381–403. (in Russian).
13. Stolyarov A.A. *Stoya i stoicizm* [Stoa and Stoicism]. Moscow: AO Kami-Grup, 1995, 448 p. (in Russian).
14. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 23: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 23. Writings]. Moscow: GIHL, 1957, pp. 304–465 (in Russian).
15. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. Dnevnik i zapisnye knizhki* [Complete works. Vol. 53: Diaries and notebooks]. Moscow: GIHL, 1953, pp. 118–119 (in Russian).
16. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 23: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 23. Writings]. Moscow: GIHL, 1957, pp. 1–59 (in Russian).
17. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 41: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 41. Writings]. Moscow: GIHL, 1957, 610 p. (in Russian).
18. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 42: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 42: Writings]. Moscow: GIHL, 1957, pp. 9–393 (in Russian).
19. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 26: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 26: Writings]. Moscow: GIHL, 1936, pp. 572–577 (in Russian).
20. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 26: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 26: Writings]. Moscow: GIHL, 1936, pp. 313–442 (in Russian).
21. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 63: Pisma* [Complete works. Vol. 63: Letters]. Moscow, Leningrad: GIHL, 1934, pp. 427–428 (in Russian).
22. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 74: Pisma* [Complete works. Vol. 74: Letters]. Moscow, GIHL, 1954, pp. 261–262 (in Russian).
23. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 85: Pisma* [Complete works. Vol. 85: Letters]. Moscow: GIHL, 1935, pp. 217–218 (in Russian).
24. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 45: Proizvedeniya* [Complete works. Vol. 45: Writings]. Moscow: GIHL, 1956, pp. 13–496 (in Russian).
25. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 39: Proizvedeniya*. [Complete works. Vol. 39. Writings]. Moscow: GIHL, 1956, pp. 3–26 (in Russian).
26. Shakhnovich M.M. *Sad Epikura: Filosofiya religii Epikura i epikurejskaya tradiciya v istorii evropejskoj kul'tury* [The Garden of Epicurus: Philosophy of Religion of Epicurus and the Epicurean Tradition in the History of European Culture]. St. Peterburg, SPbGU Publ, 2002, 284 p. (in Russian).
27. Shakhnovich M.M., Tyzhov A.Y., Popov D.S. *Bylye gody* [Past years]. 2019, no. 3, pp. 1125–1133 (in Russian).
28. Shestov L. *Sochinenia. T.I.* [A collection of essays. Vol. 1]. Tomsk: Vodolej, 1996, pp. 317–464 (in Russian).
29. Eikhenbaum B.M. *Lev Tolstoj: issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Studies. Articles]. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2009, pp. 711–733 (in Russian).
30. Epictetus. *Besedy* [Discourses]. Moscow: Ladimir, 1997, 312 p. (in Russian).
31. Algra K. *The Cambridge Companion to the Stoics*. Ed. B. Inwood. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003, pp. 153–178.

32. Emerson C. *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*. Eds. C. Emerson, G. Pattison, R. Poole. Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. 184–204.
33. Hamburg G.M. *Anniversary Essays on Tolstoy*. Ed. D. Orwin. NY: Cambridge University Press, 2010, pp. 138–158.
34. Long A. *Stoic Studies*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1996, 309 p.
35. Long A. *The Cambridge Companion to the Stoics*. Ed. B. Inwood. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003, pp. 365–392.
36. McLaughlin S. *California Slavic Studies*. Ed. N. Riasanovsky, G. Struve. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1970, vol. 5, pp. 187–245.
37. Valliere P. *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*. Eds. C. Emerson, G. Pattison, R. Poole. Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. 660–676.

Submitted for publication: May 04, 2021.
Accepted for publication: August 30, 2021.
Published: December 23, 2021.